

ДВЕ ПЕРЕПИСКИ. РАННИЕ ПИСЬМА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО РОМАН «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Роман «Бедные люди» занимает особое место в творческом наследии Ф. М. Достоевского: это первое произведение писателя и, одновременно, произведение, написанное в очень редком для него эпистолярном жанре. Каждое из этих двух качеств по отдельности не раз становилось предметом изучения¹, однако эти две, на первый взгляд, «далековатые идеи» сопрягаются, и решение вопроса о том, почему первый роман автора «Преступления и наказания» — роман в письмах, неотделимо от вопроса о долитературном пути Достоевского. До сих пор эпистолярный жанр «Бедных людей» рассматривался лишь как необъяснимый курьез или простая дань традиции².

Ранее уже высказывалась мысль, что роман Достоевского «Бедные люди» не укладывается в рамки традиционного сентиментального романа в письмах³. Тогда возникает вопрос, почему именно в эпистолярном жанре, столь редком не только для самого Достоевского, но и для всей русской литературы того времени, был написан «первый русский эпистолярный роман», как определил «Бедные люди» Белинский? Выделяя этот вопрос как очевидно нерешенный, В. Я. Кирпотин писал: «Эпистолярная форма, казалось, должна бы стеснить изображение социального фона... И, тем не менее, Достоевский, несмотря на ограничивающую фор-

¹ Эпистолярный жанр романа «Бедные люди» рассматривался в нескольких, очень немногих работах, посвященных этому произведению писателя, а также в соответствующих главах монографий, охватывающих все творчество Ф. М. Достоевского в целом. См.: В. Я. Кирпотин. Избр. раб. в 3-х тт., т. 2. М., Изд-во «Художественная литература», 1978, с. 7—41; М. С. Гус. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. Изд-во «Художественная литература», 1971, с. 56—66; В. Ермилов. Ф. М. Достоевский. М., Гос. изд. худ. лит-ры, 1956, с. 30—57; Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд-во «Наука», М.—Л., 1964, с. 52—68.

² Так, например, Г. М. Фридлендер отмечает: «Форма переписки героев, которой Достоевский воспользовался в «Бедных людях», получила широкое распространение в русском и западноевропейском сентиментальном романе...» — История русского романа в 2-х тт., т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, с. 409.

³ Там же, с. 413.

му, сумел развернуть перед читателем подлинную «физиологию» Петербурга, дать обширную картину жизни...»⁴.

Вместе с тем, известно, что творчество писателя начинается с самых первых пробуждений его сознания, и часто первые письменные опыты будущего писателя оказывают сильное влияние на его последующее, уже зрелое творчество⁵. Мы считаем, что важнейший фактор, оказавший активное влияние на созревание литературного таланта Ф. М. Достоевского — это его шестилетняя переписка с братом, Михаилом Михайловичем 1837—1843 гг. Еще тогда, в семнадцатилетнем возрасте, Достоевский начал искать и находить адекватную форму своим переживаниям — в своих письмах к брату.

То, что в переписке с братом Михаилом Михайловичем, а также в письмах к отцу и опекуну получили литературное осуществление многие структурные элементы будущих произведений писателя, не раз отмечалось исследователями «Особенно характерен спор Ф. М. Достоевского с братом по вопросам о понимании философии, о роли знания и чувства, ума и сердца, — отмечает в книге «Ранний Достоевский» В. С. Нечаева. — Этот спор как бы предсказывает его будущую формулу о деле поэта, жизнью сердца и чувства создающего творческий замысел, и о деле художника, воплощающего его в мыслях, плане и слове»⁶. Строки другого письма, от 19 июля 1840-го года, «еще смутно, но предвещают будущие художественные образы «мечтателей», которые Ф. М. Достоевский скоро воплотит в своих повестях... В переписке Достоевского конца 30-х гг. находятся неоднократные упоминания о литературных опытах брата и Шидловского... Но мы не имеем ни одного упоминания этого времени о письменных литературных опытах самого Федора Михайловича», — констатирует исследователь⁷.

Действительно, единственными, однако очень плодотворными письменными опытами молодого Достоевского были его письма. Вполне закономерно поэтому, что литературный дебют Ф. М. Достоевского зафиксировал не только выработавшийся в этой переписке «слог», но и сам эпистолярный жанр, в котором были сделаны первые литературные шаги писателя.

⁴ В. Я. Кирпотин. Ф. М. Достоевский. М., Гослитиздат, 1960, с. 246.

⁵ Применительно к раннему творчеству Достоевского это было отмечено: А. Г. Цейтлин. Труд писателя. М., Сов. писатель, 1962, с. 104—105. Об определяющем значении самых ранних пробуждений творческого самосознания писателя по отношению ко всему его последующему творчеству говорится: Г. И. Чулков. Как работал Достоевский в сороковых годах. — «Литературная учеба», апрель, № 4, с. 46.

⁶ В. С. Нечаева. Ранний Достоевский. М., Изд-во «Наука», 1979, с. 82.

⁷ Там же, с. 96.

В этом свете знаменательно свидетельство А. И. Савельева, бывшего офицера и начальника Достоевского в бытность последнего кондуктором Главного инженерного училища. Савельев вспоминает, что при их встрече много лет спустя, когда они говорили о ночных чтениях Достоевского в Инженерном замке, Федор Михайлович признался, что «он действительно тогда писал роман «Бедные люди»»⁸. В то же время известно, что литературная идея этого произведения возникла у Достоевского не ранее 1844-го года (I; 464). Возможно, что Достоевский считал, что, создавая свои «литературные» письма к брату и другим своим корреспондентам, он уже подспудно готовился к написанию своего первого романа, опробовал его стиль и жанр.

С другой стороны, Достоевский, что очень важно, утверждал, что «выбрать форму романа в письмах его побудило желание, нигде не высказывая «рожи сочинителя», передать слово своим героям» (I; 469). Принцип полной самостоятельности, автономности героя, особенно ярко выразившийся в позднейших произведениях писателя, впервые, как мы видим, был применен Достоевским уже в первом его произведении. Характеризуя в этом смысле отношения автора к действительности в произведениях Достоевского, Д. С. Лихачев пишет: «Достоевский стремится не только к иллюзии реальности, но и к иллюзии рассказа о действительных, не «сочиненных» событиях. Именно потому ему важен образ неопытного рассказчика, хроникера, летописца, репортера — отнюдь не профессионального писателя. Он не хочет, чтобы его произведения сочли за писательское, литературное творчество»⁹.

Начало этой «действительной», «не сочиненной» литературе было положено в письмах Достоевского к брату, которые, являясь непосредственным и точным изложением действительных событий, происходивших в душевной жизни юного Достоевского, объективно все-таки были литературными произведениями, подчиняясь законам своего жанра. Эта переписка, продолжавшаяся в течение шести лет вплоть до 1844-го года, когда Достоевский писал «Бедные люди», имеет по отношению к ним такое же подготовительное значение, какое имеет «Дневник писателя» 1876—1877 гг. по отношению к роману «Братья Карамазовы». Письма юного Достоевского к Михаилу Михайловичу — тоже своеобразный «дневник

---

⁸ Воспоминания А. И. Савельева о Ф. М. Достоевском. — «Новое время», 1896, № 1750. Цит. по изд.: М. П. Алексеев. О драматических опытах Достоевского. — В кн.: Творчество Достоевского. Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского. Одесса, 1921, с. 41.

⁹ Д. С. Лихачев. В поисках выражения реального. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 1. Л., Изд-во «Наука», 1974, с. 10.

писателя», тем более интересный, что это дневник именно **начинающего** писателя.

В исключительно интенсивном письменном общении с братом не только формировался талант и складывалось творческое кредо Достоевского, но впервые зазвучал его писательский «слог». В переписке с Варенькой Доброселовой, хотя и на совершенно ином фактическом материале, развивается в пределах романа «Бедные люди» и «слог» Макара Деушкина. В обоих случаях «слог» и его напряженный поиск — не прихоть, но насущная потребность, вызванная самими условиями существования личности в «запустении».

На это сплетение в художественной ткани романа многих проблем, имевших для самого Достоевского, как человека и писателя, жизненное значение, указывает В. В. Виноградов: «Ф. М. Достоевский создает очень сложную структуру образа «бедного человека» в лице Макара Деушкина, наделяя его авторскими функциями...»¹⁰. Это не было понято современниками, и огорченный Достоевский писал брату: «Не понимают, как можно писать таким слогом..., а им и не в догад, что говорит Деушкин, а не я...» (28, I; 117).

Пробуждение авторского самосознания юного Достоевского в процессе переписки с братом, получило свое отражение в пробуждении авторского самосознания Деушкина в процессе его переписки с Варенькой Доброселовой. Как пишет В. В. Виноградов, «в Макаре Деушкине мы видим завуалированный экспрессией бедного человека лик писателя-реалиста»¹¹.

Не случайно поэтому, что многие особенности словоупотребления и «слога» двух рассматриваемых эпистолярных образований сходны, и для выражения особых мыслей и чувств, свойственных «бедному человеку», Макар Деушкин прямо использует слова и выражения в их особенном, специфическом значении, какое они имели в переписке самого Ф. М. Достоевского.

Письма семнадцатилетнего Достоевского к отцу писались под незримым эпиграфом «мы — бедные люди». Это, в известном смысле, было поддержкой того же, постоянного лейтмотива писем самого Михаила Андреевича к своим детям. Как отмечает В. С. Нечаева, «частная практика врача была доходом непостоянным... Владение именем оказалось не под силу семье штаб-лекаря и вело ее к разорению»¹². А. С. Долинин в примечаниях к письмам

¹⁰ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., Изд-во «Художественная литература», 1959, с. 142.

¹¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, с. 490.

¹² В. С. Нечаева. Ранний Достоевский, с. 22—23.

молодого Достоевского также отмечает как характерную и важную черту «настойчивые требования денег, необходимых для лагерной жизни»¹³.

Все это привело к возникновению в переписке отца и сына Достоевских нескольких знаков, символов, пользуясь которыми и опираясь на которые, возможно было описывать свою «бедность». Эти символы «бедности» — «чай» («сахар») и «сапоги» («платье»). Эти же термины, что очень важно, вошли затем без всяких изменений в том же символическом своем значении и в роман «Бедные люди». Бедность Достоевского-юнкера, так же, как и бедность Макара Деушкина, героя романа «Бедные люди», характеризовалась именно недостатком «чая» и «сапог».

В одном из первых (из известных нам) своих писем к отцу новоиспеченный инженерный кондуктор Федор Достоевский пишет о необходимости иметь «чай, сахар и проч. Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды» (28, I; 60), — уверяет он отца, и продолжает: «Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю. Требую только необходимого на 2 пары простых сапогов...» (28, I; 60). Отвечая на просьбу отца «быть откровенным», он так определяет свое настоящее положение: «Да я теперь порядочно беден» (28, I; 53).

Возможно, что ключ к разгадке такого внимания юного Достоевского к своему социальному положению содержится в жалобе его на то, что его «оставили на другой год в классе». Он так характерно объясняет это: «В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся перешли (по протекции). Что делать, видно сам не прошибешь дороги». Цитировавшиеся выше просьбы прислать денег, находящиеся в конце этого же письма, очень показательно комментирует в своих мемуарах Семенов Тянь-Шанского. Человек своего круга, он считал, что «все это было не действительной потребностью, а делалось просто для того, чтобы не отстать от товарищей, у которых были и свой чай, и свои сапоги...»¹⁴.

И Макар Деушкин в романе «Бедные люди» сознается в том, что сам Ф. М. Достоевский скрывал от других (а, возможно, что и от себя самого). Он поясняет Вареньке: «Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь все народ достаточный, так и стыдно» (I; 17). В уста Макара Деушкина Достоевский, вольно или невольно, вкладывает и свое нынешнее, по-видимому, отношение к своему училищному «чаю»: «Ради чужих и пьешь его, Ва-

¹³ Ф. М. Достоевский. Письма в 4-х тт., т. I, М.—Л., Гос. изд-во, 1928, с. 470.

¹⁴ Семенов Тянь-Шанский. Детство и юность. (1827—1855). Изд. семьи. Том I, с. 203. — Цит. по изд.: Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, с. 470.

ренька, для вида, для тона, а мне все равно, я не прихотлив» (1; 17). Здесь звучат те же «амбиция», «стыд» бедного человека, которые позже разъясняет Вареньке Девушкин, и которые уже прозвучали в письме юного Достоевского к отцу.

Другой характерный стилистический момент, также нашедший свое выражение в романе «Бедные люди», в рассуждениях Макара Девушкина об истинной и ложной нравственности — противопоставление двух бедностей. Первая «бедность», материальная, характеризуется именно недостатком «чая» и «сапог», вторая же, психологически объясняя первую, имеет значение особого морального качества «бедного человека», звучит как оценка духовного и нравственного состояния. Начало этим двум оттенкам слова «бедный» мы видим в письмах Достоевского к брату, написанных до начала работы над романом «Бедные люди».

Так Достоевский, в одном из своих ранних писем давая характеристику Ивану Шидловскому, который, как известно, являлся для него воплощением духовной красоты, самым олицетворением «шиллеровской» идеи, писал о нем брату: «О, какое бедное, жалкое создание был он! Чистая ангельская душа!» (28, I; 68). «Бедное создание» — это в контексте письма значит не отсутствие «чая» и «сапог», но: «добрый», «высокодуховный», «возвышенный». Достоевский подтверждает это, говоря о Шидловском на той же странице своего письма к брату: «Взглянуть на него; это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; Духовная красота его лица возвысилась с упадком физической... Боже мой как он любит какую-то девушку... Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии...». И далее: «Пробираясь к нему на его бедную квартиру...» (28, I; 68). Так «бедность» материальная близко соседствует с духовным богатством. Интересно здесь и то, что Достоевский, сам находясь на протяжении всего этого письма под очарованием «Шиллеровской идеи» (около трети письма прямо посвящено Шиллеру), доходит до явных несуразностей, увлеченный «слогом»: «влажные глаза его были сухи...».

Синтез двух значений слова «бедный» слышен и в самом названии романа «Бедные люди». Причем, из двух вариантов — «неимущие люди» и «несчастные в силу своих нравственных качеств люди» — мы в первую очередь должны будем указать на второй вариант, как главный, исходя из самого содержания романа, подтверждая этим связь между романом «Бедные люди» и породившей его эпистолярной стихией на уровне слоупотребления. Роман «Униженные и оскорбленные», будучи идейно, стилистически и даже тематически связан с «Бедными людьми», своим названием поясняет, дополняет то, что в первую очередь имел в

виду Достоевский под «бедными людьми». Эти же два значения, словно два полюса мироздания «бедного человека», постоянно упоминаются и даже служат предметом анализа в письмах Макара Девушкина.

Говоря о Терезе, одной из обитательниц его дома, Девушкин употребляет выражения, подобные тем, которые звучали в вышеприведенной характеристике И. Шидловского: «добрая и верная... добрая, кроткая, бессловесная...» (1; 16), — говорит Девушкин, имея в виду ту же нравственную чистоту, которая свойственна другим «бедным людям» Достоевского.

С другой стороны, Достоевский пишет брату Михаилу Михайловичу и опекуну П. А. Карепину, о том, что бросает службу из-за «бедности», в то время, как именно служба давала ему твердый достаток, и все доходы, естественно, прекратились, когда он вышел в отставку¹⁵. «Теперь я свободен», — пишет он брату, избавившись от службы в Петербургской инженерной команде. Что же касается отсутствия средств к существованию, то это его никак не беспокоит, и слово «бедность» не требуется ему для выражения его теперешнего состояния. Тон письма Достоевского к брату, когда он говорит об этом, бодрый, даже веселый: «Насчет моей жизни не беспокойся... кусок хлеба найду скоро...» (28, I; 100).

Также точно и Макар Девушкин, выражая свое отношение к той же проблеме и отвечая на письмо Вареньки, где она жалуется на свое бедственное положение, отвечает, (упоребляя указанную выше символику писем юного Достоевского к отцу): «Что это вы пишете мне, Варвара Алексеевна, про удобства, про покой и про разные разности? Маточка моя, я не брюзглив и не требователен, никогда лучше теперешнего не жил; ... Я сыт, обут, одет... Я не неженка!» (1; 20). Здесь Девушкин, конечно, немного кривит душой — он не слишком сыт и не очень хорошо одет. Однако, как и самого Достоевского, призывающего «не беспокоиться» «о его жизни», Макара Девушкина, в противовес Акакию Башмачкину, не абсолютно занимает «проблема сапог», его, как и самого писателя, больше заботит отсутствие в окружающей его действительности добра, справедливости, признания духовных ценностей выше материальных¹⁶.

---

¹⁵ Воспоминания С. Д. Яновского. См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях наших современников. М., 1912, с. 35—36.

¹⁶ Как справедливо отмечено Н. Я. Берковым, «бедные люди» Достоевского похожи на тех участников старинных общин, которые дорожили материальным блаженством только потому, что оно делало их вкладчиками в жизнь общины...» — О мировом значении русской литературы. Л., Изд-во «Наука», 1975, с. 114.

Девушкин рассказывает Вареньке: «Случается мне, родная моя, рано утром, на службу спеша, заглядеться на город, как он там пробуждается, встает, дымит, кипит, гремит... Теперь разглядите-ка, что в этих черных закоптелых, больших домах делается, вникните в это... Заметьте, Варенька, что икосказательно говорю, не в прямом смысле, — загадочно прибавляет Девушкин. — Ну, посмотрим, что там в этих домах...» (1; 88). Далее Макар Алексеевич строит некое фантастическое предположение, помогающее ему художественно обобщить увиденное «в этих домах»: всем обитателям «капитального дома» снятся сапоги. Причем каждому — согласно его положению в обществе и доходам — всем по субординации. То есть, на языке писем юного Достоевского к отцу, каждому обитателю «капитального дома» снится знак его бедности, овеществленная проблема материальной обеспеченности.

Строя такое предположение, Макар Девушкин продолжает: «И все бы это ничего, но только то дурно, что ... нет человека, который шепнул бы ему (спящему и видящему во сне «сапоги». — К. Б.) на ухо, что «полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать... оглянись вокруг, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!» (1; 88—89). Нетрудно догадаться, что сам Девушкин очень хотел бы стать таким «человеком». Это доказывает, что он не только ощущает себя индивидуальностью, способной самостоятельно анализировать жизненные явления, судить их судом своей совести, но и явно выражает склонность высказаться обо всем, что вокруг него происходит.

Но для того, чтобы высказаться, пусть даже в письме близкому человеку, необходимо иметь «слог». Жалобами на «слог», на его невыразительность или даже на полное отсутствие, переполнены письма Макара Девушкина к Вареньке. Так возникает одна из важнейших тем «Бедных людей» — поиск слога, способного вырвать «бедного человека» из страшной безысходности, которую Макар остро чувствует как главное зло жизни «бедного человека» и весьма метко называет его «запустением».

«Отчего это все так случается, что вот хороший-то человек в запустении находится, а к другому кому счастье само напрашивается?» (1; 76) — задает себе вопрос Девушкин. Связывая жизнь «хорошего человека (читай — «бедного человека») с «запустением», Макар уже этим дает косвенный ответ на вопрос. Говоря уже конкретно о себе, как о «бедном человеке», живущем в «запустении», Девушкин уточняет проблему в следующих словах, опять-таки обращенных скорее к себе, чем к Вареньке: «Имею ли я способности, достаточные для коварства и честолюбия?» Отвечая на

этот вопрос отрицательно, Девушкин, вместе с тем, саркастически определяет «наиважнейшую добродетель гражданскую» как умение «зашибить деньгу», противопоставляя ей свое понимание добродетели: «нравоучение же то, что не нужно быть никому в тягость собою; а я никому не в тягость» (1; 47). И, более того, окончательно развеивая собственное уверение в «тупости», Девушкин точно определяет причину своего бедственного положения (равно как и других «бедных людей»): «со мной потому-то и случается все такое, что я очень все это чувствую» (1; 82).

Таким образом, «авторство» Девушкина рождается от сознания своего «запустения», от попытки осмыслить причину бедственного положения Вареньки Доброселовой, других «хороших людей» как социального явления. Отсюда, от попытки найти средства выражения, причем именно литературные средства, т. к. общение Девушкина с Варенькой происходит в письменной форме, и рождается проблема «слога» — такого, коротким можно все это, происходящее с человеком в «запустении», описать изнутри. Это выводит Девушкина к широким осмыслениям действительности, и его труд, как творца, не дискредитируется ни возрастом, ни малой образованностью, ни, тем более, тем, что он (в начале переписки) не осознает себя автором.

Подобно самому Достоевскому, который самоопределялся как творческая индивидуальность в своих первых письмах к брату, Макар Девушкин самоопределяется как человек и как автор (хотя вначале и не сознает этого сам, поглощенный самим процессом самовыражения) в своей переписке с Варенькой Доброселовой. Авторская идея, владевшая молодым Достоевским, испытывалась, таким образом, в первом же его произведении на герою-авторе, самостоятельно проводящем свою «пробу» «стать писателем», свои поиски «слога» — в пределах письма к близкому человеку, конечно, вне задач и путей большой литературы. Немалая роль при этом, очевидно, отводится и Вареньке Доброселовой — Макар Девушкин мог писать свои письма-исповеди только к подобному адресату, читателю умному, чуткому, понимающему с полуслова.

Таким адресатом для самого Достоевского, когда он сам на протяжении шести лет работал над «слогом» в своих письмах-исповедях, и был брат Михаил Михайлович, исключительно благодарный читатель и собеседник начинающего писателя, который в ту пору пока еще бессознательного литературного творчества Достоевского составлял для него как бы читательскую публику. Это был человек, который первый угадал писательский дар Достоевского. Защищая брата, Михаил Михайлович писал опекуну П. А. Карепину: «Это человек с сильным самостоятельным талан-

том... Он пожертвовал всем своему таланту и талант, я знаю, я уверен, его не обманет. Я ему много пророчу в будущем... Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя»¹⁷. «Что ни говорите, любезный брат, а я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя»¹⁸.

Так писал о своем брате Михаил Михайлович Достоевский в пору, когда еще не был написан роман «Бедные люди», а литературное творчество будущего корифея мировой литературы еще только начиналось. Пророчество Михаила Михайловича сбылось, и нельзя не учитывать, что именно с таким, наделенным острым и точным литературным вкусом человеком пришлось на протяжении многих лет переписываться Достоевскому, ему он адресовал свои первые литературные опыты — письма.

При работе над первым настоящим литературным произведением — романом «Бедные люди» — перед Достоевским впервые и очень остро встала проблема читателя, литературного адресата, который был теперь неясен, многочислен и, возможно, не столь искушен в литературе. Решение, или, точнее, кратчайший путь к ее решению нашелся в эпистолярном жанре. В нем удачно сочетались все необходимые качества: переписка двух духовно близких лиц, сам жанр письма, единственный, хорошо знакомый Достоевскому на деле; жанр, который был им уже опробован и разработан в переписке с братом.

Следы особого характера переписки Достоевского с братом, когда Михаил Михайлович играл роль своеобразного «зеркала», отвечая, отзываясь на чувства и мысли брата, можно обнаружить в переписке Макара Девушкина и Вареньки на страницах романа «Бедные люди». Некоторые строки письма молодого Достоевского к брату кажутся взятыми безо всяких изменений из письма Макара Девушкина; и наоборот, сам герой «Бедных людей» поднимается до таких высот художнического видения, которые кажутся более свойственными самому Достоевскому, чем его герою — бедному чиновнику. О том, какое значение имела переписка с братом для творческого развития Достоевского, свидетельствуют многие его письма.

---

¹⁷ Письмо М. М. Достоевского к П. А. Карепину, онекуну братьев Достоевских после смерти их отца, от 25 сентября 1844 года. — Цит. по изд.: А. З. Писцова. Неизвестные письма М. М. Достоевского о брате — знаменитом романисте. — «Вестник Ленинградского ун-та» (история, язык, литература), 1972, № 2, вып. 1, с. 153.

¹⁸ Письмо М. М. Достоевского к П. А. Карепину от 28 ноября 1844 г., там же, с. 154.

Так, в письме от 1-го января 1840 года, Достоевский пишет: «ты не поверишь как сладостный трепет сердца ощущаю я, когда мне приносят письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслаждение — престранное — томить себя.

Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его полновесно ли оно, и насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу в карман... Ты не поверишь что за сладострастное состояние души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с 1/4 часа; наконец с жадностью нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки».

Следующие строки письма говорят о важной проблеме, с которой уже в переписке с братом столкнулся Достоевский — проблеме читательского восприятия. Он пишет об ответе брата на свое письмо: «Сколько ощущений толпятся в душе, и милых и неприятных и сладких и горьких; да! брат милый, — и неприятных и горьких; ты не поверишь как горько, когда не разберут, не поймут тебя, поставят все совершенно в другом виде; совершенно не так, как хотел сказать, но в другом, безобразном виде... Прочитав твое последнее письмо, я был *in epigae*, потому что не был с тобою вместе: лучшие из мечтаний сердца, священнейшие из правил, данных мне опытом, тяжким, многотрудным опытом, исковерканы, изуродованы, выставлены в прежалком виде... Ведь это преобидно, брат!» (28, I; 66).

Интересно, что Макар Деушкин также постоянно жалуется на то, что Варенька его неправильно понимает, причем его обида еще более увеличивается оттого, что он не представляет себя жизни без ее писем (так же, как и сам Достоевский, предлагавший брату писать каждую неделю, по субботам, чтобы упорядочить обмен письмами). С этой обиды, как главного, начинается роман. В ответ на первое же письмо Деушкина, наполненного «лучшими из мечтаний сердца», выражаясь строками из письма самого Достоевского, Варенька присылает ему ответ, наполненный иронией и сарказмом, ответ, в котором эти «мечтания» «исковерканы», «изуродованы» и «выставлены в прежалком виде». Таковы первые письма Деушкина и Вареньки, именно с них начинается роман «Бедные люди».

Необходимость в этих письмах-ответах, однако, сильна настолько, что обида не только не прекращает переписку, но, напротив, укрепляет ее, как форму душевной жизни героев «Бедных людей» — и, в свое время и в действительной жизни — самого Достоевского. И в том и в другом случае письма — выход из «запущения» через сочувствие и моральную помощь близкого человека. Интересно, что сам Макар Деушкин вполне отдает себе отчет в смысле его переписки с Варенькой (для которой, так же как и

для Михаила Михайловича, эта переписка не имеет столь большого значения). В ответ на реплику Вареньки, что она «не полезна» для него, вместо ожидаемых выражений любви и привязанности (что, впрочем, есть в других письмах), Макар неожиданно пишет, выявляя главное: «Как не полезны? Нет, маточка, сами рассудите, как же вы не полезны? Вы мне очень полезны, Варенька... Я вам иной раз письмо напишу и все чувства в нем изложу, на что подробный ответ от вас получаю» (1; 58).

Макару Девушкину, так же, как самому Федору Михайловичу в цитированном выше письме, важно не только «написать», но, самое главное, «получить ответ», без которого написанное теряет всякий смысл. Девушкин страшно дорожит своим единственным читателем, потеря которого означает утрату всех надежд вырваться из «запустения».

В том же письме, где Девушкин говорит о «полезности» для него Вареньки, он так изображает возможные последствия их разлуки: «...вы именно об этом подумайте — что вот, дескать, на что он будет без меня-то годиться?... А что из этого будет? Пойду к Неве, и дело с концом» (1; 58). Для Девушкина уход его Вареньки — непоправимая потеря. Так же трагически представлял себе Достоевский потерю его будущего читателя — в том случае, если не состоится или провалится его литературный дебют. Рассказывая об этом брату, он употребляет ту же самую формулировку: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву» (28, I; 110).

После «Невы», как возможного исхода потери единственного, оправдывающего его, Девушкина, существование человека, он прибавляет: «Да право же, будет такое, Варенька; что мне без вас делать останется!» (1; 58). У Достоевского в письме к брату — точно такое же прибавление после слов о «Неве»: «Что же делать? Я не переживу смерти моей «*idée fixe*» (28, I; 110). Характерно, что Достоевский говорит о своей «идее» как о живом существе: «не переживу смерти».

Недаром в том же письме Достоевский сообщает брату о своем романе как о самом главном в его теперешней жизни: «Я вздумала его еще раз переправлять, и ей-богу к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл». Заканчивается это письмо, полное тревог за судьбу романа: «Отвечай поскорее, ибо скучно» (28, I; 108, 110), — так же, как заканчивается большинство писем Девушкина к Вареньке Доброселовой.

В письмах Макара Девушкина, и особенно это выражено в первых, есть две взаимоисключающие вещи: уговоры писать побольше (общая с письмами самого Достоевского к брату черта) и мысль о том, что, может быть, не нужно писать совсем. Это, очевидно, результат борьбы просыпающегося авторского сознания

Девушкина со страхом быть непонятым, вызванным отсутствием «слога»: «...какова придумочка насчет занавесочки вышей, Варенька?... и писем не нужно! Хитро, не правда ли?» Однако кончается письмо совершенно обратным: «Об одном прошу: отвечайте мне, ангельчик мой, как можно подробнее» (1; 17, 18).

Варенька, однако, как уже отмечалось, не понимает мотивов эпистолярного пристрастия Девушкина, и в ответ на его письма приглашает его в гости. Но Девушкину не нужно в гости к Вареньке, и он отдает явное предпочтение именно письменному общению. Варенька же, не подозревая о том значении, какое имеют для Девушкина ее письма, укоряет его за то, что он губит свое здоровье. «Вы говорите, что у вас глаза слабеют, так не пишите при свечах, зачем писать? Ваша ревность по службе и без того, вероятно, известна начальникам вашим» (1; 18). Однако Макар вовсе не «переписывал» поздно вечером «при свечах», но делал нечто прямо противоположное «переписыванию» — он писал. Причем, ни что иное, как именно то письмо к Вареньке, на которое она отвечает. Ошибка Вареньки ужасна еще и тем, что это первое письмо Макара (с него начинается роман), и оно знаменует собой, по-видимому, нечто новое в их отношениях.

Девушкин говорит о своих вечерних занятиях: «поработаешь, попишешь чего-нибудь...» «Что-нибудь» — это не обязательно служебные бумаги. Это, может быть, письмо к любимой, где «одних стихов и не хватает», как иронически отозвалась на него сама Варенька. Пока что Девушкин, «приготовив бумагу и очинив перо» (вспомним пристрастие самого Ф. М. Достоевского к хорошим письменным принадлежностям), старается как можно лучше написать свое письмо к Вареньке, чтобы как можно полнее выразить переполняющие его чувства и мысли. Затем, однако, на определенном этапе их переписки, он внезапно осознает, что в своих письмах, хотя и бессознательно, он делает именно то, в чем состоит работа любого литератора.

Ему приходит в голову мысль: «А что, в самом деле, ведь иногда придет же мысль в голову ... ну, что, если б я написал что-нибудь, ну что тогда будет?» (1; 53). Это то самое «что-нибудь», что он уже, сам того не сознавая, написал, это — его письма к Вареньке, которые он, конечно, не считает настоящими литературными произведениями. Однако от первого своего письма и до последнего, за полгода времени действия романа Девушкин прогрессирует в «слоге» значительно быстрее, чем можно было бы ожидать даже от самого одаренного в литературном отношении человека. При этом очень интересно и показательны, что «смирное местечко», в котором обитает Девушкин, вовсе не противоре-

чит в сознании Достоевского идее литературного творчества, но, напротив, прочно связано с ним.

Образ Макара Дежушкина как героя будущего произведения возник перед молодым Достоевским, осмысливающим именно самого себя как обитателя «смирненного местечка». Процесс зарождения творческого самосознания, раскрытый Достоевским на страницах «Бедных людей», само возникновение «авторского вопроса» — «если б я написал что-нибудь, ну что тогда будет?» — имеет автобиографическую основу. Достоевский рассказывает о себе в «Петербургских сновидениях...»: «Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне. Я вздрогнул, и сердце мое как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива могущественного, но доселе незнакомого мне ощущения. Я как будто что-то понял в эту минуту...» (19; 69). И далее: «Только что я сам обзавелся квартирой и смиренным местечком, самым, самым смиренным из всех местечек на свете...» (19; 71).

Именно в таком «смирненном местечке», «уголочке» начинает свое литературное творчество и Макар Дежушкин, первое же свое письмо, как бы отдавая дань традиции «натуральной школы», посвящает описанию своего жилища: «уголок такой скромный... я себе ото всех особняком, помаленьку живу, втихомолочку живу» (1; 16). О Макаре Дежушкине в том же фельетоне молодого Достоевского сказано так: «И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству...» (19; 71).

Таким образом, все три сферы литературного творчества Достоевского — письма, фельетоны, художественные произведения — оказываются тесно связанными в пору формирования писательского таланта Достоевского, представляя собой важные составляющие его литературного дебюта 1840-х гг. Особое значение здесь имеет переписка Достоевского с братом — именно в ней фактически было положено начало писательской работе Достоевского вообще и работе над романом «Бедные люди» в частности.

В первом письме Макар Дежушкин называет Вареньку «птичкой небесной на утеху людям и на украшение природы созданной» (1; 14). Интересно, что именно так олицетворяет в переписке с братом поэзию сам Достоевский, особенно на раннем этапе их переписки. «Не залетит ко мне райская птичка поэзии, не согрест охладелой души...» (28, I; 54), — так писал Достоевский на следующий день после того, как ему исполнилось 17 лет. «А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные: все в розовом цвете» (1; 14), — таковы «слог» и главная тема первого письма Дежушкина, во многом перекликающегося с первыми письмами Достоевского к брату.

«Ты говоришь, что я скрытен; но вот уже и прежние мечты мои меня оставили и мои чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою...» (28, I; 54), — уже в прошедшем времени пишет о подобном состоянии сам Достоевский.

Тот кризис романтического мировосприятия, который происходил в это время в сознании Достоевского, отражен в следующих его словах, обращенных к брату: «Те мысли, которые лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты; или сердце мое очерствело или ...дальше ужасаюсь говорить... Мне страшно сказать, ежели все прошлое было один золотой сон, кудрявые грезы...» (28, I; 54).

Распад романтического мировосприятия, созданного произведениями Шиллера, обликом и произведениями Ивана Шидловского, равного в представлениях братьев Достоевских Шиллеру, совпадал и с разложением романтического «слога». Стиль писем 19—20-ти летнего Достоевского становится намного строже, точнее, жестче, исчезают «розовые мечты» и «кудрявые грезы», появляются попытки самостоятельного суждения о событиях действительной жизни, о литературе. Теперь его занимают мысли о том, «была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как наше естественное стремление в полной жизни человека, или неправильная, бесцельная, тщетная деятельность, заблуждение, вынужденное у сердца одинокого...» (28, I; 75).

Подобная смена настроения и, отсюда, стиля мышления и изложения происходит с Макаром Деушкиным. В начале переписки Деушкин, делая попытку создать нечто поэтическое в первом своем письме и охлажденный резким, ироническим ответом Вареньки, констатирует: «За бумаги принялся рачительно — да что вышло-то потом из этого!... чего же тут было на Пегасе-то ездить?» (1; 19). В следующем своем письме он жалуется: «Не взыщите, душенька, на писании: слогу нет, Варенька, слогу нет никакого. Хоть бы какой-нибудь был! Пишу, что на ум взбредет... вот если бы я учился как-нибудь, дело другое» (1; 24). Макар Деушкин действительно «не имеет слогу», в лучшем случае, имеет слог канцелярски-бюрократический, слегка смягченный сентиментально-романтическим стилем тогдашнего литературного обихода. В конце же романа его жалобы на слог уже более похожи на вечные жалобы писателя, идущие от естественной неудовлетворенности созданным.

В ответ на самокритичные признания Деушкина в том, что когда он берется за перо, то «выходит такая дрянь, что убереги меня, Господи» (1; 19), Варенька присылает ему целую повесть — свои «записки», как бы в назидание, в образец «слога». Прочитав,

Девушкин отвечает: «...необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа, а разные картины сельские, и все остальное про чувства... А вот у меня нет таланта. Хоть десять страниц намарай, ничего не опишешь. Я уж пробовал...» (1; 46) — смущенно признается Девушкин. Однако его явно не удовлетворяют чем-то «описания» Вареньки. «Но как прочтешь такое, как вы пишете, так поневоле умилится сердце, а потом **разные тягостные рассуждения пойдут** (1; 46—47) — и далее Девушкин говорит о своей жизни, о своем опыте «запустения», и его «тягостные раздумья», о смысле жизни, тесно смыкаясь с подобными размышлениями, которыми наполнены письма Достоевского к брату, выводят нас к «Двойнику», и затем и к «Запискам из подполья». Как бы очерчивая круг этих «тягостных размышлений», Достоевский писал брату еще до начала работы над романом: «В самом деле как грустна бывает жизнь твоя, и как тягостны остальные ее мгновения, когда человек, чувствуя свои заблуждения, сознавая в себе силы необъятные, видит, что они истрачены в деятельности ложной, в неестественности, в деятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавлен, потушен Бог знает чем; когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея а не великана, ребенка а не человека» (28, I; 75).

Опираясь на большой литературный опыт Вареньки, Девушкин постоянно ищет свой новый «слог», способный передать те новые явления, ощущения, факты, которые остаются за пределами «описаний» Вареньки, воплощающими в себе обиходные литературные стили времени. Макар Девушкин, учась у нее «слогу», одновременно, сознавая его ограниченность, преодолевает устаревший литературный стиль, создавая свой, новый «слог». Письмо Вареньки от 3-го сентября и ответ Девушкина от 5-го сентября очень показательны именно как своего рода литературное соревнование. В сущности, это даже не письма, а два небольших рассказа, лишь формально являющихся письмами. За обращением следует текст, не имеющий ничего общего с тем, что мы называем письмом, даже с учетом тогдашней литературной традиции.

Характерно, что Варенька «описывает» природу, в то время как Девушкин — Петербург. Таким образом, «описания» противостоят друг другу не только стилистически, но и тематически. Мягкий, светлый, хотя и несколько слащавый тон «описания» Вареньки противостоит грубому, тяжелому, но зато и значительно более живому, яркому и реалистическому «слогу» Макара Девушкина. Макар Девушкин уже ни в чем не уступает Вареньке, и его успехи в поиске «слога» дополняются любопытным его сообщением о том, что он «нашел работу у сочинителя», и даже сто руб-

лей, подаренные ему на бедность начальником (перекликающиеся с новой шинелью А. Башмачкина из повести Н. В. Гоголя «Шинель»), не могут отвлечь его от самого для него интересного и важного, о чем он уже прямо пишет Вареньке: «Будем жить согласно и счастливо. Займемся литературою...» (1; 94).

Интересно и весьма показательна, что после завершения романа «Бедные люди» Достоевский на некоторое время перестал писать брату. Оправдываясь за долгое молчание, Достоевский находит ему следующее объяснение: «Ты, верно, пеняешь, что я так долго тебе не пишу. Но я совершенно согласен с Гоголевым Поприщиным: «Письмо вздор, письма пишут аптекари». Что мне было написать тебе? Мне нужно было бы исписать томы, если бы начать говорить так, как бы хотелось мне» (28, I; 119). Эпистолярная стихия, воспитавшая первоначальный писательский «слог» Достоевского и получившая художественную форму в первом произведении писателя, нашла свой выход в эпистолярном жанре, стала теперь чисто литературным явлением внутри писательского сознания Достоевского.

В позднейшие годы писатель так объяснял свою нелюбовь к письмам: «Для меня нет ничего ужаснее, как написать письмо. Если я чем-то занимаюсь, т. е. пишу, то я кладу в это всего себя и после написания письма я уже никогда не в состоянии приняться за работу» (28, II; 140). Известно, что Достоевский никогда не мог писать разом две различные вещи, и даже перестал издавать столь любимый им «Дневник писателя», когда начал роман «Братья Карамазовы».

По-видимому, Достоевский не случайно перестал писать брату, когда напряженно работал над эпистолярным романом: письмо как таковое и письмо как структурный элемент эпистолярного произведения стали для писателя «двумя разными вещами», разделились в сознании Достоевского. Начиная с этого момента Достоевский утратил интерес к письму-исповеди, и письма Ф. М. Достоевского, написанные им после окончания его первого произведения, не будут иметь роли, подобной той, какую они играли в период его юношеской переписки с братом Михаилом Михайловичем, с 1838-го по 1844-й год.